

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 304.2

*Н.Р. Калимуллина*ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ВЛАСТИ В ТРАДИЦИИ
ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Представлен анализ проблемы определения феномена власти в концепциях философии постмодернизма. Выделяются три уровня подхода к определению понятия власти в пределах указанной традиции: негативное определение; выделение особенностей и новизны предлагаемой дефиниции феномена и различие в понимании власти в рамках самой традиции философии постмодернизма.

Ключевые слова: феномен власти; микроуровень власти; сопротивление.

Как и любой социальный феномен, власть всегда была объектом внимания исследователей. Трудности определения понятия власти по мере углубления исследования данного феномена, а также отсутствие согласия в ее понимании породили сомнения в необходимости такого понятия. Однако, как отмечают исследователи социальной философии, отсутствие всеми признанного определения не означает, что дискуссия по поводу содержания понятия беспредметна, тем более что использование других терминов не отменяет проблему присутствия в социуме определенного набора свойств и отношений, которые ассоциируются с понятием власти. И как оказывается, вариативность определений феномена власти указывает на культурно-исторический контекст, в который, прежде всего, включен исследователь. По мере изменения социально-политической практики и накопления социального опыта, неизбежно возникает потребность в изменении и уточнении даже самых успешных попыток концептуализации власти.

Несмотря на то что обращение к понятию власти можно проследить еще от античной философии, это обращение не проблематизирует данный феномен. Первая попытка определить власть как понятие, создать концепцию власти в истории западноевропейской философии дана в исследовании Т. Гоббса. В этой концептуализации уже можно констатировать возникновение к данному явлению интереса, который будет возрастать, приводя к тому, что постепенно в дискуссиях о власти анализ понятия «власть» представляется все более систематизированным, превращаясь в важный элемент исследования социальных отношений. И, наконец, в рамках постмодернистских концепций феномен власти становится не просто элементом исследования, но объектом и предметом пристального внимания исследователя, где все социальные отношения интересны в той мере, в какой они репрезентируют власть.

Дефиниция феномена власти в рамках традиции философии постмодернизма обладает, как минимум, тремя уровнями. Первый уровень включает в себя негативное определение, т.е. отделение своего определения власти от других, предшествующих концепций власти, их критика; второй уровень – выделение особенностей и новизны дефиниции феномена в рамках постулируемой концепции власти; третий уровень представляет собой различие в понимании власти в

рамках самой концепции, т.е. внутренняя критика определений понятия «власть», наработанных в пределах традиции философии постмодернизма.

Если рассматривать концептуализацию понятия «власть» в постмодернизме только как результат постмодернистской критики каузальной парадигмы власти, основы которой заложил Т. Гоббс и которая получила широкое распространение в философских теориях, то нам открывается негативный пласт определения интересующего нас феномена. М. Фуко в своих исследованиях пишет об ограниченности парадигмы власти, в которой власть сводится к репрессивной силе, к «власти над»: «Властью я называю не «власть» как совокупность институтов и аппаратов, которые гарантировали бы подчинение граждан в каком-то государстве... под властью я также не подразумеваю такой способ подчинения, который в противоположность насилию имел бы форму правила» [1. С. 190–191]. Различные вариации каузальной концепции власти, как полагает М. Фуко, лишает власть продуктивности, действительности, позитивности и, в принципе, всего, что могло бы дать ей возможность вообще сохранить себя [1. С. 184].

Слабость каузального понимания феномена власти также отмечает и Ж. Бодрийяр: «...если бы она (власть – прим. Н.К.) строилась на одностороннем подчинении, как в традиционной оптике, то давно уже была бы повсеместно низвергнута» [2. С. 70]. В подобном же ключе строит свои рассуждения и Ж. Делёз, когда пишет о желании и симулякре [3. С. 357–362], и Ж.-Ф. Лиотар, исследуя функционирование языковых игр в социальной системе [4. С. 134–150]. В пределах этого негативного уровня рассмотрения феномена власти в традиции постмодернизма у авторов не наблюдается значительных расхождений, фактически философия постмодернизма позиционирует себя на этом отличии.

Концепция власти М. Вебера, в которой понятие власти оказывается тщательно проработанным, приобретает современную четкость и актуализирует проблематику легитимности власти, безусловно, является важным этапом в процессе концептуализации феномена власти [5. С. 645–648]. С одной стороны, в рамках такого представления о власти уже есть выход на одну важную характеристику феномена власти, которую выделяют авторы, работающие в рамках традиции философии постмодернизма: отделение самого феномена власти от субъектов власти, т.е. власть определяется

как не принадлежащая индивидам, но существующая лишь в отношениях между ними. С другой стороны, и данная дефиниция оказывается нерелевантной для описания феномена власти, с точки зрения представителей философии постмодернизма, т.к. предлагаемое в ней определение не отходит от традиционного выделения оппозиционности и асимметричности власти, где власть концептуализируется как «власть над кем-то». В рамках философии постмодернизма положение асимметрии и оппозиции подвергается критике: власть – не отношение власти одного субъекта (группы) над другим, а и тот и другой являются уже продуктом власти и представляют собой элементы в ее конструкции, в ее целом [3. С. 87–90]. Таким образом, концепция власти, предложенная в философии постмодернизма, дает негативное определение феномена власти – это не некий институт или субъект; не какая-то определенная группа или сила, которой некто был бы наделен; власть не находится в позиции надстройки в социуме; она – не обладание субъекта возможностью воздействовать на что-либо или кого-либо, где возрастание такой возможности у одних индивидов и групп означает одновременно уменьшение ее у других.

Критика определений понятия власти, предшествующих появлению его постмодернистской концептуализации, позволила выделить основные положения, требующие осмысления и углубления исследования указанного феномена. Позитивное определение власти в рамках постмодернизма, с одной стороны, появляется как ответ на изменение формы власти, когда подчеркивается неспособность традиционной модели адекватно описать и объяснить именно современные формы власти, основанные на новых способах развития социальных процессов, когда знания и информация становятся стратегическими ресурсами трансформации общества. С другой стороны, предлагаемая модель власти не ограничивается определением только современной формы власти (которая просто признается как особо изобретательная по части тонких и изощренных механизмов), но претендует на универсальность.

В постмодернистских концепциях феномен власти рассматривается как двусторонний: с одной стороны, власть осуществляется через уже существующие структуры и их элементы (институты власти, государственный аппарат, субъекты власти), с другой – создает эти структуры и элементы осуществления власти (микроуровень власти). В этом заключается парадоксальность власти: власть представляет собой и осуществление власти, и обратную реакцию на это осуществление. Наиболее явно такое понимание власти прослеживается, прежде всего, в суждениях М. Фуко: «...власть приходит снизу; это значит, что в основании отношений власти... не существует никакой бинарной и глобальной оппозиции между господствующими и теми, над кем господствуют... скорее следует предположить, что множественные отношения силы, которые... действуют в аппаратах производства, в семье, в ограниченных группах, в институтах, служат опорой для обширных последствий расщепления, которые пронизывают все целое социального тела» [1. С. 193]. Похожие суждения прослеживаются и в исследованиях Ж. Делёза [3. С. 105–109], Ж.-Ф. Лиотара [4. С. 118–120], Ж. Бодрий-

яра, когда эти авторы рассматривают все видимые атрибуты власти как только лишь эффекты от осуществления власти как таковой. Такая власть не только давит на нас, как сила, говорящая «нет», но и производит эффект смысла, эффект желания и удовольствия, производит положения вещей, в которых сама воплощается. Понимание власти, которое предлагает концепция постмодернизма, претендует на вскрытие фундаментальных оснований социума и всех его институтов, в том числе и властных. То, что традиционно пытались определить как власть, оказывается не властью самой по себе, а уже только результатами ее действия. Это положение в понимании феномена власти лаконично сформулировал Ж. Бодрийяр: «Власть – это необратимый принцип организации, она производит реальное, все больше и больше реального, создавая номенклатуру, безапелляционную диктатуру, которая никогда не уничтожает себя» [2. С. 67]. И социальные институты, и конкретные индивиды, и положения вещей, и частные события формируются на уровне «машинерии смысла» (то есть на уровне субстанции власти) таким образом, что сами формируют множество возможностей осуществления власти. М. Фуко в своей работе «Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности» обращает внимание на тот аспект, что все, созданные властью, положения в социуме уже включают в себя и генерализирующую линию осуществления власти, и сопротивления этой линии. Эти сопротивления являются уже включенными в феномен власти, как ее полюс, и при проявлении власти в ее видимых эффектах представляют собой перемещающиеся расслоения, группы, которые могут делать возможной революцию [1. С. 196]. Власть в традиции философии постмодернизма в общем смысле концептуализируется как множественность отношений, имманентных и конститутивных для любых социальных систем.

Третий уровень, который можно выделить в исследовании феномена власти в рамках традиции философии постмодернизма, связан с расхождениями в определении власти в пределах этой традиции. Основные критические замечания по отношению к определению власти в философии постмодернизма, которые даны изнутри, т.е. высказаны представителями этой традиции, были явлены Ж. Бодрийяром в работе «Забыть Фуко». Первое, на что обращает внимание Ж. Бодрийяр, – это неслучайное совпадение «новой концепции власти (концепции М. Фуко. – прим. Н.К.) с новой концепцией желания, предложенной Делёзом и Лиотаром... дело в том, что у Фуко власть занимает место желания... он (Фуко) способствовал тому, чтобы власть функционировала тем же образом, что и желание, точно так же как у Делёза желание функционирует в качестве будущих форм власти» [2. С. 45–47]. Подобная спираль власти, как замечает автор в своем исследовании «Забыть Фуко», приводит нас к воплощенной идее тотального контроля в социуме. Данному замечанию сложно возразить, но необходимо отметить, что здесь можно говорить не о тотальном контроле определенного типа власти и не о контроле со стороны институтов власти или субъектов власти, а о неизбежной включенности в те условия, которые создает власть. (это ситуация близка к хайдеггеровскому выделению модуса «заброшенности»). М. Фуко характеризует по-

ложение тотальности власти таким образом: «Вездесущность власти: не потому вовсе, что она будто бы обладает привилегией перегруппировывать все под своим непобедимым единством, но потому, что она производит себя в каждое мгновение в любой точке или, скорее, – в любом отношении от одной точки к другой» [1. С. 192]. Таким образом, в постмодернистской концепции власти идея тотальности власти переводится с уровня контроля властных институций на уровень фундамента для образования этих институций.

Ж. Бодрийяр также выделяется проблема возникновения сопротивления власти, которое, бесспорно, присутствует в социуме. Если бы власть действительно осуществляла себя во всех микроуровнях социума, она бы, как замечает Ж. Бодрийяр, уже давно не встречала бы сопротивления, а между тем, утверждает данный автор, «это сопротивление вовсе не «желание» (и не «власть». – прим. *Н.К.*), это то, что приводит власть к разрушению по мере ее необратимого логического расширения» [2. С. 70]. Здесь можно возразить данному автору: концепция власти М. Фуко включает в себя рассмотрение проблемы возникновения сопротивления, которое у данного автора является полюсом внут-

ри отношений власти и, как ее полюс, точно так же пронизывает общество.

Третье критическое замечание, которое можно выделить в рамках концепции власти, которую предлагает философия постмодернизма, касается выявления проблемы бесконечного рассеивания власти, логическим окончанием которого, если быть последовательными в аналитике власти, как она определяется у Ж. Делёза и М. Фуко, должно быть полное ее исчезновение. Действительно, необходимо констатировать, что последовательная аналитика власти в рамках традиции постмодернизма заставляет признать, что власть как субстанция не существует, и даже микроуровни власти, о которых говорят представители философии постмодернизма, являются уже не самой властью, а ее эффектами. Эта крайняя степень растворения власти в социуме слабо представлена в традиции постмодернизма как бесперспективная в качестве инструмента исследования социальной реальности и непригодная для описания и объяснения социальных отношений. Поэтому авторы, работающие в рамках постмодернизма, ограничивают исследование микроуровнем, в пределах которого феномен власти еще можно ухватить, который обладает эвристической ценностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
2. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. СПб.: Вл. Даль, 2000. 91 с.
3. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Алетейя, 1998. 160 с.
5. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 14 апреля 2010 г.